

Электронное издание:

**Прилежаев Е. Царствование Александра I в
истории русской духовной школы. СПб, 1887.
– С. 23**

ПОДГОТОВЛЕНО

Отделом религиозного образования и
катехизации Ижевской и Удмуртской епархии

www.izhoroik.ortox.ru

54884

2007

Царствованіе Александра I въ исторіи русской духовной школы

(Рѣчь въ торжественномъ собраніи С.-Петербургской духовной академіи 12-го декабря 1877 года по случаю празднованія столѣтняго юбилея дня рожденія Государя Императора Александра I, произнесенная приватъ-доцентомъ Е. М. Прилежаевымъ).

Высокоуважаемое собраніе!

Когда сто лѣтъ назадъ Россія радостью и привѣтомъ встрѣчала вѣсть о рожденіи „порфиророднаго отрока“, — въ церковной жизни нашего отечества крушной исторической новостью былъ только-что передъ тѣмъ представленный въ кабинетъ Ея Величества проектъ улучшенія духовно-учебнаго дѣла. Въ лѣтоисихъ русской церкви извѣстіе о рожденіи будущаго цесаревича совпало такимъ образомъ съ извѣстіемъ по духовно-учебному вопросу. Никто при этомъ не могъ тогда предугадывать, что и выполненію дѣла очередь придетъ только съ восшествіемъ на престолъ царственнаго новорожденнаго.

Совершившееся столѣтіе со дня рожденія Государя Императора Александра Павловича съ благоговѣйной памятью о Благословенномъ Монархѣ естественно вызываетъ въ нашей мысли это славное изъ дѣлъ, какими ознаменовано царствованіе Александра I въ церковно-исторической жизни нашего отечества. Съ живѣйшимъ сочувствіемъ раздѣляютъ духовно-учебныя заведенія общественный всероссійскій праздникъ нынѣшняго дня, желая принести дань глубокаго уваженія приснопамятному Державному Покровителю ду-

ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

1958

ховнаго просвѣщенія и почтить благодарнымъ воспоминаніемъ царственныя заслуги, составившія эпоху въ исторіи русскаго духовнаго образованія. Знаменуя торжественнымъ собраніемъ столѣтнюю годовщину рожденія Александра I, петербургская духовная академія признательно помнить, что въ царствованіе Его былъ тотъ знаменательный день, съ котораго началось ея обновленное существованіе и который съ тѣмъ вмѣстѣ служилъ началомъ новой жизни и въ общей исторіи русской духовной школы.

Довольно въ общихъ чертахъ припомнить прошлое духовныхъ училищъ, чтобы видѣть, какое важное значеніе въ ихъ судьбѣ имѣло царствованіе Александра I. Уже много десятковъ лѣтъ считала наша духовная школа съ той поры, какъ въ царствованіе Петра Великаго впервые были начаты заботы объ общемъ устройствѣ епархіальныхъ училищъ, — и однако еще не имѣла правильной и прочной организаціи. Дѣло съ самаго начала требовало обдуманнаго твердаго плана, а между тѣмъ поспѣшно написанные регламенты не представили цѣлесообразной и благоустроенной системы духовныхъ школъ; задача ихъ осталась неуясненной, путь, по которому слѣдовало имъ пойти, намѣченъ не былъ. Отсутствие устава, неизмѣніе учителей, необеспеченность матеріальная надолго задержали успѣхъ церковно-учебнаго дѣла и развитіе духовнаго образованія. Безъ отчетливаго сознанія своей самостоятельной цѣли, школы для приготовленія русскаго духовенства становились копіями возникшей совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ кievской академіи и усваивали отчужденный отъ живыхъ потребностей схоластическій составъ и характеръ обученія, причомъ, за неизмѣніемъ учебныхъ и денежныхъ средствъ, образованіе будущихъ пастырей обыкновенно кончалось начатками латинской риторики. При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго, въ административныхъ областяхъ нѣкоторое время велась очень сложная переписка въ видахъ выработки самостоятельныхъ духовно-учебныхъ уставовъ и штатовъ, но эта переписка не принесла ровно никакихъ полезныхъ для дѣла послѣдствій. Говоря словами Екатерины Великой, къ началу ея цар-

ствования „архіерейскія семинаріи состояли въ весьма маломъ числѣ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ скудномъ содержаніи.“ Извѣстная просвѣтительными своими стремленіями великая Государыня выразила твердое намѣреніе воззвать къ жизни духовную школу, но своихъ прекрасныхъ обѣщаній не перевела въ дѣло, хотя по-видимому все было благопріятно для осуществленія высокаго монаршаго предпріятія. Отобранныя въ то время въ казну церковныя вотчины давали правительству полное удобство, можно сказать—обязывали его прилично обезпечить бытъ духовныхъ училищъ, а учебный планъ, обработанный свѣтителями тогдашняго духовнаго міра—преосвященными Иннокентіемъ исковскимъ, Гаврииломъ тверскимъ и законоучителемъ наследника престола іеромонахомъ Платономъ (послѣ митрополитомъ московскимъ)—обнималъ все части духовно-учебнаго строя, необходимыя для правильной его постановки. Это былъ первый проектъ общаго духовно-училищнаго устава, къ сожалѣнію неосуществленный,—учреждавшій благоустроенную систему заведеній духовно-учебныхъ,—гимназій съ значеніемъ приготовительныхъ училищъ, и семинарій, малыхъ и большихъ, съ московскимъ духовнымъ университетомъ во главѣ,—проектъ, въ которомъ не была забыта ни одна сторона училищной жизни. По волѣ Государыни уставъ былъ переданъ въ учрежденную тогда комиссію по сочиненію проекта новаго уложенія и—съ закрытіемъ вскорѣ этой комиссіи—остался лежать въ ея документахъ, какъ памятникъ тѣхъ не осуществившихся ожиданій, какія возлагались современниками на царствованіе Екатерины Великой. Не встрѣтивъ удача въ своихъ первыхъ предначертаніяхъ, преосвященные авторы духовно-учебнаго проекта, участвуя потомъ въ комиссіи, экзаменовавшей возвратившихся изъ Геттингена духовныхъ студентовъ, выразили при этомъ новую многообѣщавшую мысль—употребить молодыя силы на пользу отечественнаго духовнаго просвѣщенія и учредить въ Москвѣ, подъ особеннымъ управленіемъ Св. Синода и покровительствомъ Государыни, богословскій факультетъ, гдѣ учились-бы присылаемые изъ епархій ученики и

откуда постунали-бы учителями семинарій и въ духовное званіе. Счастливая мысль не получила впрочемъ дальнѣйшаго развитія и была покинута, хотя на первыхъ порахъ сильно интересовала Императрицу. Послѣ того духовное правительство воспользовалось поднятымъ Государыней вопросомъ о перемѣщеніи законоспасской академіи—и тѣми же преосвященными былъ написанъ еще проектъ, „соглашавшій выгоды академіи съ выгодой прочихъ духовныхъ училищъ, дабы академія доставляла епаршескимъ семинаріямъ надежныхъ и искусныхъ учителей.“ И третій проектъ постигнуть былъ прежней судьбой: съ кончиной Государыни дѣло исключили изъ числа нерѣшонныхъ и сдали въ архивъ,—и Екатерининское царствованіе осталось памятно только хорошими понятками, какія предпринимались къ улучшенію духовно-учебнаго дѣла и ничѣмъ кончались. Слѣдующее царствованіе началось дѣйствительнымъ благодѣяніемъ для епархіальныхъ училищъ: прежніе оклады, удѣленные имъ при Екатеринѣ II послѣ обогащенія казны церковными имѣніями и составлявшіе сначала до 40,000, а потомъ до 77-ми тысячъ, были увеличены Павломъ I до 180,000 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлю придать духовной школѣ лучшій видъ, Государь повелѣлъ образовать для приготовленія учителей еще двѣ новыя академіи, невскую и казанскую, и „учредить потребный для благоустройства академій и семинарій порядокъ“. Соответственно не терпѣливости, свойственной характеру Государя, воля его была исполнена съ чрезвычайной поспѣшностью, не позволившею по надлежащему обсудить этотъ сложный вопросъ,—и рѣшеніе послѣдняго не повлекло за собой никакихъ существенныхъ улучшеній во внутреннемъ строѣ духовныхъ училищъ, ограничившись однимъ перечнемъ предметовъ академическаго преподаванія, да намѣреніемъ установить постоянныя отношенія между академіями и семинаріями.

Въ такомъ видѣ перешли русскія духовныя школы въ XIX вѣкъ. Быть ихъ отражалъ на себѣ всю неопредѣленность ихъ положенія. Существованіе ихъ, какъ учрежденія епархіальнаго и не обезпеченнаго, было подвержено всякимъ случайностямъ. Программа

ихъ не была строго опредѣлена и семинаріи въ этомъ отношеніи представляли большое разнообразіе, не имѣя правильности и полноты въ учебныхъ курсахъ, которые могли измѣняться и по произволу епархіальныхъ начальниковъ, и оттого, что не находилось учителей. Школы существовали безъ общаго надзора, не имѣли общаго устава и систематическаго устройства, имъ не доставало постепенности и раздѣленія; и академіи и семинаріи „вмѣщали въ себѣ все предметы ученія, такъ что кругъ ихъ, стѣсненный въ одномъ мѣстѣ и отъ первоначальныхъ познаній простирался до самыхъ высшихъ наукъ, не имѣлъ ни надлежащаго времени, ни нужнаго пространства“. Схоластическій формализмъ былъ другимъ обстоятельствомъ, стѣснявшимъ преподаваніе и лишившимъ его развивающей силы и жизненности. Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія семинаріи уже ввели въ свой курсъ и богословскія системы, но эти системы, слѣдуя латинскимъ схоластическимъ образцамъ, въ которыхъ истины христіанскаго ученія разсматривались только какъ отвлеченныя логическія понятія, не соответствовали живымъ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ духовенства и народа и не дѣлали будущихъ пастырей просвѣщенными богословами. Въ своихъ схоластическихъ формахъ науки „имѣли слишкомъ суровый учебный видъ, который и приобретаемыя познанія дѣлали малоупотребительными для общенароднаго наставленія, и обманывая полуучюность мнимою важностію, препятствовали углубленію въ основаніе ученія.“ Если прибавить ко всему матеріальную несостоятельность духовной школы, которая вела свое дѣло среди нужды и лишеній, дополняя скудные свои оклады сборами съ духовенства, обезпеченная „болѣе терпѣніемъ и неутомимостью, нежели обиліемъ пособій“, то можно будетъ сказать, что все стороны духовно-школьной жизни ждали себѣ устройства.

Наступилъ девятнадцатый вѣкъ.

Извѣстно, какое радостное общественное возбужденіе охватило Россію съ воцареніемъ Александра I. По словамъ современниковъ, все почувствовали тогда какой-то нравственный просторъ и

привѣтствовали начало новой жизни. Духовный классъ общества дѣлалъ это общее одушевленіе. Онъ возвышался духомъ и проникался лучшими надеждами, наблюдая религіозный характеръ Государя и видя, какъ и личное обращеніе Монарха съ духовенствомъ, и распоряженія его въ церковной области показывали въ немъ высокое желаніе „дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ, укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ, какое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть паче другихъ свойственно“, и „укрѣпить тотъ союзъ мира, любви и добраго разумѣнія, какой должна полагать вѣра между пастырями и ихъ словеснымъ стадомъ“. Полный возвышенныхъ побужденій обновить свою страну и задумывая лучшее устройство всѣхъ отраслей русской жизни, и просвѣщенія народнаго во первыхъ, Государь при этомъ обращалъ свой участливый, заботливый взоръ и на духовныя училища.

На встрѣчу царственному взору шли ожиданія и надежды образованнаго духовенства. Оживленная дѣятельность Главнаго правленія училищъ, устроявшаго на лучшихъ и обширѣйшихъ основаніяхъ учебную часть, невольно вызвала на сопоставленіе съ послѣдней неупорядоченнаго состоянія духовныхъ школъ. И въ то время, какъ мыслящіе современники съ восторгомъ отзывались о „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“, обеспечивавшихъ стройное его развитіе, лучшие представители духовной среды, оцѣнивая достоинства новыхъ министерскихъ порядковъ, не могли не проникаться желаніемъ, чтобы и духовной школѣ было наконецъ дано общее и опредѣленное устройство. Учовый префектъ невской академіи Евгений Болховитиновъ, изучая историческое прошлое духовныхъ школъ и непосредственно зная настоящее положеніе ихъ, особенно близко принималъ въ сердцу ихъ судьбу, и—по собственнымъ его словамъ—„натолковалъ митрополиту сію идею“ объ организаціи духовно-учебнаго строя. Преосвященный Амвросій самъ умноженіе епархіальныхъ училищъ и улучшеніе способовъ духовнаго образованія имѣлъ всегдашней любимой заботой,—

и вслѣдъ затѣмъ, какъ въ концѣ 1804 года были утверждены новые уставы свѣтскихъ учебныхъ заведеній, представилъ духовно-учебный вопросъ Августѣйшему вниманію.

Дѣло, такъ сходявшееся съ личными царственными стремленіями, тогда же было начато. По примѣру предварительныхъ работъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, было повелѣно составить сначала „предначертаніе“ или общій планъ духовныхъ училищъ. Къ Болховитинову, бывшему уже епископомъ, обратились съ этимъ важнымъ дѣломъ, какъ къ лучшему исполнителю, которому не только педагогическая опытность, но и специальная учоная подготовка должны были помочь успѣшно и скоро окончить порученіе, служившее и раньше предметомъ его думъ и разговоровъ. Своему „предначертанію“ преосвященный Евгеній предполагалъ историческое обозрѣніе дѣла, фактически выяснявшее, въ чемъ заключается неудовлетворительность положенія духовныхъ училищъ и куда направить заботы о нихъ. Духовно-училищные проекты Екатерининскаго времени, также какъ и новые учебные порядки, принятые въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, служили преосв. Евгенію полезнымъ матеріаломъ для соображеній о лучшей постановкѣ духовной школы. Веденная при такихъ условіяхъ работа представила основательнѣйшій планъ духовныхъ училищъ, предполагавшій стройную систему низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ, раздѣленныхъ на округа подъ управленіемъ академій, и определенно намѣчавшій пункты духовно-училищнаго устройства въ учебномъ, хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ. Царственное участіе и вниманіе къ дѣлу одушевляло автора, который „четырежды былъ представленъ Государю“ во время двухмѣсячнаго своего пребыванія въ Петербургѣ. По окончаніи, проектъ Евгенія „былъ читанъ Государю и отъѣнно уваженъ“. Читанное затѣмъ въ Св. Синодѣ, „предначертаніе“ также заслужило одобреніе; „синодальные (кромя митрополита), по свидѣтельству Евгенія, оспаривали одинъ только пунктъ—подчиненіе семинарій академіямъ.“

Новый училищный планъ сталъ извѣстенъ и по епархіямъ. Преосвященный Амвросій послалъ „предначертаніе“ къ митрополиту московскому, со стороны котораго не встрѣтилъ, впрочемъ, сочувственнаго отклика. Престарѣлому іерарху пришли, конечно, на память проекты Екатерининской эпохи, въ которыхъ онъ когда-то принималъ живое участіе, припомнились неудачи этихъ проектовъ, и теперь онъ не раздѣлялъ уже одушевленія и надеждъ, владѣвшихъ руководителями духовно-учебнаго дѣла, и съ большимъ недоумѣніемъ отнесся къ широкимъ ихъ замысламъ. „Легче вообразить и написать, нежели исполнить, писалъ преосвященный Платонъ. Гдѣ взять столько ученыхъ людей? Миѣ, признавался онъ, не вѣрится, чтобы полтора милліона было опредѣлено“ на содержаніе училищъ. Ему казалось, что отъ новыхъ затѣй только „затрудненія и запутанности больше будетъ. И что за нужда намъ соображаться свѣтскимъ? пусть свѣтскіе у насъ перенимають, а не мы у нихъ. Нѣкоторые наши братья епископы тоже ко миѣ пишутъ“. На исторію духовныхъ школъ, приложенную къ „предначертанію“, преосвященный Платонъ ссылался какъ на доказательство того, что „учрежденіе доселѣ было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно, когда столько пользы не только духовенству, но и свѣтскимъ училищамъ доставлено“.

Но хлопотавшіе надъ приведеніемъ въ дѣло высокихъ намѣреній Государя разсуждали иначе. По ихъ миѣнію самая „польза сія, многолѣтними опытами оправданная, заставляла помышлять объ усовершеніи и распространеніи“ духовныхъ училищъ. И задуманное дѣло развивалось дальше. Нужно было отыскать прочные матеріальные источники для осуществленія предполагаемаго широкаго учебнаго устройства. Затѣмъ вопросъ о духовномъ образованіи естественно вызывалъ другой, самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ связанный,—объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства. Такимъ образомъ предначертаніе Евгенія необходимо было дополнить соображеніями объ источникахъ для содержанія духовныхъ училищъ и о мѣрахъ къ обезпеченію приходскаго духовенства. Продолжате-

лемъ работы Евгенія былъ прибывшій въ Петербургъ преосвященный могилевскій Анастасій, членъ Св. Синода, одинъ изъ умѣйшихъ іерарховъ и блестящій духовный администраторъ того времени, вскорѣ потомъ скончавшійся. Ему, говорятъ, и принадлежала счастливая мысль—для обезпеченія духовныхъ школъ и духовенства возстановить исключительное право продажи свѣчь одними церквами, на основаніи забытаго указа Петра Великаго.

Такъ шли подготовительныя работы, обѣщавшія духовной школѣ лучшіе дни. Увѣренность въ скорое наступленіе этихъ дней поддерживалась тѣмъ заботливымъ участіемъ, какое являлъ къ готовившемуся дѣлу попечительный Самодержецъ. Въ 1807 году онъ повелѣлъ удвоить сумму, отпускаемую на духовныя училища, „въ праведномъ и благотворномъ уваженіи къ столь несоразмѣрному положенію ихъ въ способахъ содержанія“. Затѣмъ, въ томъ же году, 29-го ноября, по Высочайшей волѣ, съ спеціальной цѣлью предварительнаго обсужденія приготовленныхъ предначертаній и вѣрныхъ способовъ практическаго ихъ примѣненія, былъ учрежденъ особый Комитетъ духовныхъ училищъ, образованный въ чрезвычайно удачномъ составѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Амвросія. Теофилактъ, епископъ калужскій, многосторонне образованный архинастырь, отличавшійся и обширными своими познаніями, и административными способностями,—оберъ-прокуроръ Св. Синода, князь А. Н. Голицынъ, „человѣкъ, по отзыву лучшихъ современниковъ, молодой, но съ достоинствами выше лѣтъ своихъ“, умѣвшій всецѣло отдаваться дѣлу,—статсъ-секретарь М. М. Сперанскій, знаменитый своими организаціонными работами, и по своему происхожденію и воспитанію близко знакомый съ положеніемъ духовной среды и нуждами духовной школы,—все это были лица, имена которыхъ ручались за достойное выполненіе задачи Комитета. Государь близко имъ интересовался и послѣ каждаго засѣданія выслушивалъ доклады о результатахъ комитетскихъ разсужденій.

Въ основу работъ Комитета легъ планъ, написанный по предположеніямъ преосвященныхъ Евгенія и Анастасія. Принадлежа

людямъ, обладавшимъ полнымъ знаніемъ своего дѣла, эти предположенія не требовали большихъ передѣлокъ, и уже въ іюль слѣдующаго года Комитетъ успѣлъ окончательно выработать „Начертаніе правилъ о образованіи духовныхъ училищъ и о содержаніи духовенства при церквахъ“.

Новое начертаніе придавало духовнымъ училищамъ небывалый прежде характеръ цѣльной организаціи, въ которой послѣдовательно проводилась стройная постепенность и въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ кругѣ учебныхъ предметовъ, и въ порядкахъ управленія. Примѣнительно къ общему плану народнаго просвѣщенія, духовная школа раздѣлялась на четыре разряда—академіи, семинаріи и уѣздныя и приходскія училища—связанныя взаимными административными отношеніями, а для общаго и высшаго управленія всей духовной школой учреждалась при Св. Синодѣ особенная Комиссія духовныхъ училищъ, подобно Главному правленію училищъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въмѣстѣ съ строгимъ разграниченіемъ училищъ отъ семинарій и послѣднихъ отъ академій, къ учебнымъ курсамъ ихъ также была приложена система постепеннаго раздѣленія, обезпечивавшая успѣшный ходъ и возвышеніе образованія. Съ отдѣленіемъ элементарныхъ познаній въ училищный курсъ, семинаріи, располагая большимъ временемъ, могли расширить свою программу; соотвѣтственно съ главнымъ ихъ назначеніемъ составъ спеціальнаго богословскаго ученія получалъ большую полноту, въ общемъ образованіи, кромѣ наукъ философскихъ и словесныхъ, давалось право гражданства наукамъ историческимъ; сообщая духовнымъ школамъ классическій характеръ, начертаніе предостерегало ихъ отъ того преобладанія схоластической латыни и пренебреженія греческой и отечественной письменностью, какое было допущено въ нихъ въ прежнее время. Академіи съ новыми правилами могли поднять свой научный уровень и, „не пренимаясь первоначальнымъ и, такъ сказать, стихійнымъ обученіемъ наукъ грамматическихъ и историческихъ“, занять приличное высшему духовному образованію мѣсто. Духовная школа получала опредѣленные права и положеніе, кото-

рыхъ прежде не имѣла, и первые надлежащіе штаты, обеспеченные особымъ капиталомъ, составленіе котораго не требовало никакихъ налоговъ, не обременяло казны и было замѣчательнымъ примѣромъ финансоваго творчества. Выгоды новыхъ порядковъ говорили сами за себя: сосредоточенное и самостоятельное управленіе, опредѣленность и цѣлесообразность учебныхъ курсовъ, обеспеченность въ учебныхъ и матеріальныхъ средствахъ—открывали правильный путь развитію духовнаго образованія, были вѣрнымъ залогомъ успѣховъ духовной школы. Вмѣстѣ съ школьнымъ устройствомъ Комитетомъ были также рѣшены широкія реформы въ матеріальномъ обеспеченіи причтовъ, и только непредвидѣнные обстоятельства, не оправдавъ вполне денежныхъ расчетовъ Комитета, заставили потомъ ограничиться выполненіемъ лишь одной части начертанія—о духовныхъ училищахъ.

26 іюня 1808 года докладъ Комитета духовныхъ училищъ съ новымъ учебнымъ планомъ и штатами получилъ утвержденіе Государя Императора, а Комитетъ былъ переименованъ въ Комиссію духовныхъ училищъ, чтобы немедленно начать дѣйствительное осуществленіе плана.

Великое впечатлѣніе на умы произвелъ Высочайшій указъ, рѣшившій, наконецъ, то дѣло, о которомъ толковали едва не цѣлое столѣтіе и ничего прочнаго не сдѣлали. Современники по достоинству оцѣнили предпринятые рѣшенія и все значеніе ихъ для пользы церковной жизни Россіи. Св. Синодъ, „понимая во всемъ пространство и важности“ „сей толико для Церкви благотворный монаршій подвигъ“, торжественно, отъ лица всей Церкви, принесть „признательнѣйшее благодареніе“ Вѣнценосному ея Покровителю.

„Между прочими милостями и щедротами, присно на служителей вѣры отъ престола Твоего изливаемыми,—говорилъ въ благодарственной рѣчи Его Величеству первенствующій членъ Св. Синода митрополитъ Амвросій,—нишѣ Тобою возниспосланное благо, въ видѣ новаго постановленія о усовершенствованіи духовныхъ училищъ, есть даръ для самой Церкви, даръ совер-

шенъ, сошедый свыше отъ Отца свѣтовъ. Ваше Величество, вѣдавъ Апостольски, что тѣлесное обученіе вмалѣ, а благочестіе на все полезно есть, преподавъ правила и способы къ распространенію общенароднаго просвѣщенія, не укосили равно усилить вищими познаніями и духовенство, предположа достаточнѣйшія мѣры и для приобрѣтенія въ оныхъ желаемыхъ успѣховъ, и для подкрѣпленія всего сословія, служащаго алтарю Господню, да послужить съ радостію, а не воздыхающе“.

На Комиссію духовныхъ училищъ легли чрезвычайныя обязанности. Комитетское начертаніе заключало въ себѣ одни основанія новаго духовно-учебнаго устройства. Примѣняя ихъ къ дѣлу, было необходимо составить подробныя уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ, нужно было выработать учебныя программы. Совокупными просвѣщенными усиліями своихъ членовъ, среди которыхъ мы видимъ людей, прекрасно понимавшихъ современныя имъ требованія науки, Комиссія выполнила свои задачи съ полнымъ успѣхомъ и достоинствомъ.

Новый учебный строй, разумѣется, не могъ быть установленъ сразу. Первымъ камнемъ, положеннымъ въ его основу, было открытіе петербургской духовной академіи, торжественно происходившее 17 февраля 1809 года. Заботы, обращенныя на академію при первыхъ шагахъ ея по новому пути, вполне отвѣчали чрезвычайной важности того вліянія, какимъ учреждаемые порядки обѣщали отразиться на характеръ и достоинствѣ новой учебной системы. Первый академическій курсъ былъ—для цѣлой Россіи; онъ долженъ былъ положить прочный починъ общему возвышенію отечественнаго духовнаго просвѣщенія. Личный составъ учащихся и учащихся былъ организованъ поэтому съ особенной заботливостью. Студенты представляли выборъ всего лучшаго изъ епархій всей Россіи; профессоръ - нѣмецъ откровенно сознавался, что ему въ Германіи мало приходилось находить столько умныхъ и любознательныхъ людей, какъ студенты петербургской академіи. Прискривая способныхъ профессоровъ, члены Комиссіи раздѣляли между собой этотъ трудъ и назвались „протекторами“ классовъ, а одинъ изъ нихъ, ученый и образованный пресвященныи Теофилактъ,

даже самъ взялъ на себя преподаваніе по одной изъ кафедръ. Были приглашены въ академію лучшія силы, выбранныя изъ наставниковъ духовныхъ училищъ, а на кафедры, для которыхъ тамъ не нашлось способныхъ людей, академія заимствовала ихъ изъ свѣтскихъ заведеній. Программы, по какимъ началось академическое преподаваніе, были замѣчательнымъ шагомъ впередъ въ духовной школѣ. При даровитомъ личномъ составѣ новоустроенная академія имѣла средства поставить на твердый путь свои науки, расположенныя по новому плану, а частію и вовсе дотолѣ не входившія въ составъ духовнаго образованія. Имѣя на первыхъ порахъ „разрозненное направленіе“, по выраженію московскаго святителя Филарета, бывшаго тогда бакалавромъ богословія и церковной исторіи, академія получила потомъ „единство и усиленіе направленія, соотвѣстнаго ея назначенію и достоинству“, съ того времени, какъ во главѣ ея сталъ сейчасъ названный приснопамятный въ умственной, церковной и общественной нашей жизни дѣятель. Его многообъемлющій и глубокій умъ, основательнѣйшая богословская учоность, обширныя познанія, его самостоятельный образъ мыслей и дѣйствій „учредили въ петербургской академіи порядокъ, сдѣлавшійся правиломъ для всѣхъ академій“.

„Вертоградъ наукъ принялъ сѣмена благія, расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей“ и обѣщаль дать обильные плоды. Огромный трудъ сформировки академіи достигъ удачнаго исполненія—и понятно, почему окончаніе въ 1814 году перваго курса с.-петербургской духовной академіи было событіемъ особенной важности, о которомъ Комиссія духовныхъ училищъ сочла долгомъ довести до свѣдѣнія Державнаго Основателя академіи.

Всеподданнѣйшій докладъ объ успѣшномъ началѣ дѣла, радовавшемъ всѣхъ, кто понималъ высокую его цѣну, совпалъ со временемъ необыкновенно радостнаго настроенія Россіи, когда совершившіяся великія европейскія событія приводили ее въ чрезвычайный восторгъ. Государь только что возвратился въ столицу. Общія

изъявленія радости любви, благоговѣнія встрѣтили Монарха. Св. Синодъ, Сенатъ и Государственный совѣтъ просили его принять имя „Благословеннаго“, которымъ уже назвала его вся Россія, и дозволить воздвигнуть памятникъ дѣламъ его. Государь отклонилъ всѣ почести, глубоко проникнутый убѣжденіемъ, что не одними человѣческими средствами, бывшими въ его распоряженіи, совершилъ онъ славные подвиги. Сознаніе сказавшихся въ нихъ чудесныхъ проявленій Промысла внушало ему особенно живое и рѣшительное желаніе посвятить себя и свое царствование Божьему имени и славѣ. Понятно отрадное чувство, съ какимъ Государь—при такомъ настроеніи—долженъ былъ принять докладъ Комиссіи духовныхъ училищъ. „Слава и благодареніе Всевышнему“,—были слова Государя,— „такъ благословившему намѣренія мои доставить Церкви достойныхъ пастырей“. Вслѣдъ за тѣмъ, въ особомъ указѣ на имя Комиссіи, вѣряя вниманію ея какъ новообразованныхъ учителей, такъ и училища, и поручая ей, призвавъ Спасителя въ помощь, употребить всѣ усилія къ достиженію предположенной цѣли, Государь изъявлялъ свои намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества.

„Просвѣщеніе—писалъ Императоръ Александръ I— по своему значенію есть распространеніе свѣта, и конечно должно быть Того, Который во тьмѣ свѣтится и тьма Его не объятъ. Сего-то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ, и тѣми способами, коими евангеліе очень просто, но премудро учить; тамъ сказано, что Христосъ есть путь, истина и животъ; слѣдовательно, внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ. На семъ основаніи можно будетъ созидать то ученіе, кое нужно имъ по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума, который будетъ подчиненъ освященію Вышнему“.

Въ указѣ ясно отражался религіозный характеръ Государя, „котораго“, по выраженію московскаго святителя Филарета, „никто вѣрише не оправдалъ присвоеннаго ему Церковію именованія благочестивѣйшаго и котораго Провидѣніе избрало вселенскимъ проповѣдникомъ благочестія“. Чувство Государя, исбавшее въ религіи глубокаго содержанія, подъ живымъ вліяніемъ событій времени,—

сильно дѣйствовавшихъ на все общество и обращающихъ мысль въ религію, — находилось въ особенномъ возбужденіи и одушевляло его твердою рѣшимостью посвятить, какъ говорилъ онъ, свое царствованіе славѣ Божіей, подчинить религіозному началу какъ внутреннее управленіе, такъ и внѣшнюю политику, — и состоявшійся вслѣдъ за тѣмъ извѣстный „священный союзъ“ былъ громкимъ выраженіемъ такой рѣшимости. Именной указъ о духовныхъ училищахъ, сейчасъ прочитанный, находился въ тѣсной связи съ этимъ душе-настроеніемъ Государя, сказавшимся векорѣ и въ области свѣтскихъ училищъ устройствомъ „министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ — съ свѣтлой цѣлью крѣпче утвердить общественное воспитаніе на религіозныхъ началахъ.

Монаршіи указъ Комиссіи духовныхъ училищъ помѣщенъ былъ во главѣ уставовъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ, какъ прекрасное выраженіе того истинно добраго направленія, поддержаніе и упроченіе котораго было священной задачей Комиссіи при установкѣ новаго духовно-учебнаго устройства. И Главное правленіе училищъ также задалось строгимъ примѣненіемъ религіознаго начала къ народному образованію. Но исходя изъ одного и того же источника, дѣятельность того и другаго установленія пошла разными путями и направилась въ одномъ не столько къ созиданію, сколько къ разрушенію дѣла. Глубокое религіозное чувство Государя, внушавшее ему заботу о направленіи образованія въ духѣ религіи, въ дѣятеляхъ Главнаго правленія училищъ замѣнилось тѣмъ мистицизмомъ, который отвергаетъ всякія права человѣческаго разума и доходитъ до послѣднихъ крайностей обскурантизма. И въ то время, какъ съ одной стороны дѣйствія Главнаго правленія училищъ стали представлять рядъ мѣръ стѣснительнаго характера, предпринимаемыхъ во имя превратно понятаго начала религіи, когда въ свѣтской школѣ запрещалось преподаваніе наукъ, признанныхъ необходимыми не только въ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ, а учебныя руководства, принятая по нѣкоторымъ предметамъ въ училищахъ духовнаго вѣдомства, казались противными

религіи и нравственности, когда высшая учоность была ограничена такими инструкціями, которыя задерживали ходъ науки, запрещали введеніе новыхъ началъ и по духу которыхъ даже профессоръ математики приводилъ доводы въ пользу полнѣйшаго согласія ея законовъ съ истинами христіанскаго ученія и объяснялъ высшее значеніе единицы, треугольника, или гипотенузы, содержащихъ превосходныя подобія священныхъ истинъ вѣры, — въ тоже время, съ другой стороны, мы видимъ, что духовные члены Главнаго правленія училищъ старались сдерживать клерикальныя увлеченія своихъ свѣтскихъ сочленовъ, а заботы Коммиссіи духовныхъ училищъ и дѣятелей духовнаго образованія являлись чуждыми этихъ крайностей и увлеченій и отличались благоразумною осмотрительностію, уважавшею права и достоинство науки. Коммиссія духовныхъ училищъ дѣятельно руководила новоустроенной школой, для первыхъ курсовъ академій и семинарій составлены были программы преподаванія, но эти программы, служа необходимымъ руководствомъ при началѣ дѣла, не заграждали пути къ новымъ изслѣдованіямъ и не запрещали перемѣвъ въ преподаваніи. Духовно-учебные уставы, напротивъ, выражали прямую заботу о томъ, чтобы ученіе и въ академіяхъ и въ семинаріяхъ держалось на одной линіи съ развитіемъ науки. Даже въ семинаріяхъ, въ конспектѣ философскихъ наукъ, въ исторіи философіи была указана почти современная тогда философія XVIII вѣка. Преподавателямъ съ довѣріемъ и безъ опасенія были предложены учоные и учебныя пособія, казавшіяся инымъ гибельнымъ источникомъ невѣрія и отрицанія; Коммиссія выражала только требованіе, чтобы авторы были очищаемы благоразумною критикою. Въ противоположность съ мистиками и обскурантами, считавшими весьма опаснымъ развитіе духа философской пытливости, изданные въ то время уставы духовно-учебныхъ заведеній и конспекты Коммиссіи духовныхъ училищъ толковали о томъ, чтобы умы учащихся были приучаемы къ здоровой критикѣ. Новые учебные порядки, введенные въ школахъ духовнаго вѣдомства представлялись такимъ соблазномъ мрачнымъ ревнителямъ

мно-религіознаго начала, что они не могли не попытаться обнаружить желанія ввести въ свою систему и духовную школу, и обращали нарочитое вниманіе Государя на то, что духовное воспитаніе „вѣрено людямъ, въ Кантовѣхъ началахъ воспитаннымъ“, что „въ духовномъ воспитаніи разрушительная философія Канта удалила чистое ученіе православія изъ самаго его святилища“. Великимъ благомъ для духовнаго образованія было то обстоятельство, что посреди отсутствія въ другихъ областяхъ ясно созианныхъ принциповъ и твердо усвоенной системы дѣйствій, организаторы и дѣятели духовной школы не были отголоскомъ чужихъ мнѣній и, дѣйствуя независимо и самостоятельно, отличаясь прямымъ и здравымъ взглядомъ на вещи, не подвергли школу тяжелымъ переворотамъ. Не скроемъ, что дальнѣйшая исторія духовной школы представляетъ примѣры, когда въ дѣйствіяхъ ея руководителей обнаруживалась боязнь „излишнихъ уметствованій“; но не говоря уже о томъ, что эти случаи не представляли собой систематическаго преслѣдованія научнаго движенія, нельзя не признать, что въ нихъ сказывался не мрачный фанатизмъ и вражда къ наукѣ, а чистая, достойная уваженія забота о чистотѣ православной истины, — охранительное стремленіе, которое только внушало не гнаться за всякой новостью, но не задерживало строгаго и серьезнаго движенія науки.

Начатое мудрой волей Александра I и имѣвшее такихъ достойныхъ и просвѣщеныхъ исполнителей, устройство духовныхъ училищъ принесло самыя добрыя послѣдствія.

Духовныя академіи стали высшими центрами духовнаго просвѣщенія. Уставъ строго разграничилъ область академическаго преподаванія отъ курса семинарій, поставивъ задачей академій достиженіе высшаго богословскаго образованія и самостоятельную обработку науки. Усилія и дарованія академическихъ дѣятелей были направлены на положительное изслѣдованіе предметовъ духовной науки по ихъ источникамъ. Время оправдало достоинство новыхъ порядковъ. Послѣдующая исторія нашей богословской науки показываетъ, какъ она, сходя съ прежняго схоластическаго пути и обратившись къ

изученію св. Писанія и памятниковъ христіанской древности въ связи съ движеніемъ церковно-исторической жизни, скоро оживилась и стала постепенно, но постоянно совершенствоваться, какъ расширились размѣры ея требованій, улучшались приемы научной разработки, вводились новые методы изслѣдованія, какъ все сложнѣе, разнообразнѣе, шире становились научные курсы, какъ тѣ составныя части духовной науки, которыя намѣчены были великимъ и свѣтлымъ умомъ Филарета въ „Обозрѣніи богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ“, мало по малу дѣлались самостоятельными науками. Основательное изученіе такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ предохраняло богословское образованіе отъ односторонности и отвлеченнаго, безплоднаго для жизни направленія, способствовало широтѣ и силѣ богословской мысли, общественному ея вліянію. Изслѣдованіе минувшихъ судебъ отечественной церковной жизни, начатое духовной наукой, было однимъ изъ ясныхъ признаковъ живаго ея движенія. Много знаменитыхъ именъ, служившихъ духовной наукѣ, не мало видныхъ богословскихъ ученыхъ произведеній остаются въ исторіи церковной нашей жизни настоящаго столѣтія свидѣтельствомъ того, какимъ благотворнымъ для духовнаго просвѣщенія дѣломъ было духовно-учебное устройство, задуманное и осуществленное въ царствованіе Александра I. Сбрасывая оковы схоластики и начавъ самостоятельное живое развитіе, духовная наука вскорѣ стала говорить живымъ русскимъ языкомъ, распространяя свои пріобрѣтенія въ обществѣ, содѣйствуя образованію и укрѣпленію ея религіознаго сознанія и духовныхъ интересовъ. Еще въ самые первые годы новой жизни школы при петербургской академіи уже возникло современное изданіе „Христіанское Чтеніе“, начавшее знакомить читателей съ богословскими святоотеческими твореніями и съ изслѣдованіями о предметахъ христіанской вѣры и церкви. Это былъ первый постоянный органъ духовной литературы; дальнѣйшее расширеніе послѣдней говорило о все возвышавшейся степени духовной образованности. „Тихо и ровно, — скажемъ словами одного

прекраснаго обозрѣнія судебъ богословской науки въ Россіи, —возрастала духовная наука, безъ шума и блеска, безъ поразительныхъ явленій. Но если съ высоты своего времени мы оглянемся назадъ, то увидимъ, какъ постепенно разцвѣтала духовная литература, умножая органы своей дѣятельности, расширяя тѣ вопросы, какими занято публичное слово, представляя образцы сильнаго проповѣдническаго слова и обогащаясь зрѣлыми научными оцѣнками“.

Обратимся къ епархіальнымъ училищамъ. Получившія правильную организацію, умно составленныя программы, обеспеченныя и способными преподавателями и матеріальными средствами, они увидѣли лучшіе дни. Епархіальныя семинаріи перестали смотрѣть изъ чужихъ рукъ, зажили, такъ сказать, своимъ домоу, на свои опредѣленныя деньги. Число духовно-учебныхъ заведеній быстро увеличилось; вмѣсто прежнихъ 150, къ концу царствованія Александра I было уже 344 училища. Соотвѣтственно возрастало и число учащихся. Прежде дѣти причетниковъ и спроты рѣдко проходили семинарію; теперь новыя условія облегчили бѣднымъ возможность учиться. Въ учебномъ отношеніи произошли благодѣтельныя перемены. Стали отходить въ область преданія схоластическія принадлежности духовныхъ училищъ. Замольли диспуты объ отвѣченныя богословскихъ и философскихъ положеніяхъ, обыкновенно касавшіеся словъ, а не сущности дѣла, и представлявшіе сплетеніе схоластическихъ тонкостей, бесполезную и праздную игру выраженій. Вмѣсто прежняго исключительнаго стремленія къ формальному рѣшенію вопросовъ науки, стали обращать вниманіе на внутреннее ея содержаніе, на положительное развитіе учащихся, на отношеніе знаній къ практической жизни. Была приложена серьезная забота объ „усиленіи въ народѣ ученія православнаго чрезъ епархіальное духовенство“. Прежнее изложеніе богословія въ схоластическомъ духѣ новый уставъ замѣнялъ живой методой богословскаго ученія, которая „состоять должна въ чтеніи св. Писанія и испытаніи истиннаго смысла его, по оригинальному изложенію и лучшимъ изъясненіямъ св. отцовъ“. Изученію и толкованію св. Писанія были при-

данн болѣе широкіе размѣры, особенно „тѣхъ священныхъ книгъ, которыя ближайшимъ образомъ вводятъ въ изученіе дѣятельнаго христіанства“. Наставникамъ богословскихъ наукъ ставилось непремѣннымъ требованіемъ— „не занимать учениковъ утонченіями, рождающими болѣе пренія, нежели назиданія, и приводить доказательства немногія, но яснѣйшія и основательнѣйшія“. Все вообще преподаваніе, освобождаясь отъ схоластическаго формализма, принимало въ себя живые элементы. Присоединеніе историческихъ наукъ какъ къ главному предмету—богословію, такъ и къ приготовительнымъ— философіи и словесности, было дорогимъ приобрѣтеніемъ новыхъ семинарій, котораго не имѣли прежнія духовныя училища. Напыщенные стихи и высокопарныя рѣчи, составлявшія, бывало, главное занятіе и входившія даже въ область философіи и богословія, уже не отнимали столько дорогаго времени на бесполезное дѣло. Уроки словесныхъ наукъ, отличавшіеся мертвымъ механизмомъ и нимало не развивавшіе учащихся, ставили теперь своей задачей— не останавливаться на заучиваніи всякихъ формальностей, а съ помощью образцовъ словесности „вести учащихся къ познанію теорій краснорѣчія естественнымъ путемъ и къ предварительнымъ ихъ познаніямъ примѣненнымъ образомъ, переходя съ ними отъ простаго сочетанія словъ и понятій къ болѣе сложному совокупленію мыслей и разсужденій“. Самодѣтельность, вызываемая новыми условіями учебнаго дѣла, была животворнымъ началомъ преподаванія, поднимавшимъ уровень послѣдняго въ духовныхъ училищахъ. Требованіе устава представлять конспекты уроковъ и держаться въ нихъ „на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“ одушевляло учащихся энергіей и интересомъ къ своему труду. Программы, разосланныя въ новыя семинаріи изъ Комиссіи духовныхъ училищъ, были для наставниковъ руководящимъ образцомъ, который однакожъ не стѣнялъ ихъ даже и въ первый годъ преподаванія. „Ревность и усердіе профессора дополнить то, что сверхъ сего откроется полезнымъ для воспитанниковъ“, — говорилось въ семинарскихъ конспектахъ, составленныхъ Комиссіей. Не признавая удовле-

творительными бывшія на лицо прежнія учебныя руководства, Комиссія духовныхъ училищъ, за неимѣніемъ пока лучшихъ, указывала ихъ въ надеждѣ на личный трудъ учащихся и поручала послѣднимъ, „открывая недостатки автора, восполнять ихъ ясными и основательными замѣчаніями, разбросанныя положенія приводить въ систематическій порядокъ, изыскивать вѣрнѣйшія доказательства на положенія, слабо или совсѣмъ недоказанныя“ и проч., а по инымъ предметамъ наставникамъ поручалось заново составлять руководства для учениковъ. Комиссія при этомъ предлагала преподавателямъ семинарій не только перечисленіе литературныхъ пособій, но указывала также источники, желая, чтобы наставники становились въ самостоятельныя критическія отношенія къ самой литературѣ своего предмета. Такая постановка дѣла благоприятно отражалась на учебной дѣятельности семинарій. Не стѣняемые схоластическими формами старыхъ учебниковъ, учащіе стали вносить самостоятельность и любовь въ свое преподаваніе. Въ новой исторіи духовной школы уже въ самое первое время мы въ семинаріяхъ встрѣчаемся напр. съ такими преподавателями словесныхъ наукъ, которые, не довольствуясь теоретическимъ изложеніемъ предмета и отрывочнымъ разборомъ образцовъ краснорѣчія, дѣлали самостоятельныя попытки систематическаго обзорѣнія литературы и составляли для учениковъ уроки по исторіи россійской словесности, также по исторіи церковнаго краснорѣчія, которая, послѣ свѣдѣній объ отцахъ восточной и западной церкви, заключала сужденія о церковномъ краснорѣчій англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, о церковномъ краснорѣчій россійскомъ до Алексѣя Михайловича и отъ него до послѣднихъ временъ, и заканчивалась сравненіемъ россійскихъ проповѣдниковъ съ англичанами и французами. Новый характеръ обученія не могъ не оказывать развивающаго вліянія на учащихся, затрогивалъ въ нихъ духъ любознательности, будилъ охоту мыслить, ту „здравую критику“, о которой говорилось въ духовно-учебныхъ уставахъ. Ученики первыхъ временъ послѣ устройства семинарій въ своихъ воспоминаніяхъ съ сочувствіемъ рассказываютъ, какъ учителя ихъ, не раскрывая Бургія, Бавмейстера и Шрека, живыми уроками

интересовали ихъ умъ, предоставляя ему и самодѣтельно развиваться, какъ жадно, подѣ вплиніемъ возбуждаемой любознательности, читали они книги семинарской библіотеки, относившіяся къ изучаемымъ предметамъ, съ какою любовью дѣлали изъ нихъ для себя выписки, давали учителямъ отчетъ въ прочитанномъ и т. п.

„Усвоивъ, бывало (читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ воспоминаній) урокъ, услышанный въ классѣ отъ наставника богословія, отыщешь на квартирѣ трактатъ объ этомъ у западнаго богослова, прочитаешь оный внимательно; умственный горизонтъ расширится, понятія просвѣтлѣютъ; ученикъ овладѣлъ сокровищемъ извѣстной истины, выработанной прежде великими умами; онъ узналъ многое касательно этой истины, умолчанное наставникомъ; ему пріятно высказать все это на другой день при отвѣтѣ урока наставнику, а послѣднему еще пріятнѣе видѣть, что ученикъ не довольствуется усвоеніемъ выслушаннаго въ классѣ и дополняетъ урокъ изъ другихъ источниковъ“.

Подобныя примѣры показывали, что „начала добраго ученія“, указанныя въ духовно-учебномъ уставѣ, достигали своей цѣли. Учащіеся, съ основательными свѣдѣніями по общеобразовательнымъ наукамъ и съ достаточно развитыми самодѣтельностью силами, приступали потомъ къ изученію богословскихъ предметовъ, продолжая подѣ руководствомъ наставниковъ свои упражненія; предметомъ послѣднихъ становились свято-отеческія догматическія и нравственныя творенія, а также произведенія духовной литературы отечественной, отчасти иностранной,—и воспитанники оставляли семинарію готовые быть учительными пастырями. При немногосложномъ составѣ учебнаго курса, не обременявшемъ множествомъ предметовъ, для самодѣтельности учащихся было довольно времени. Когда впоследствии, съ учебной реформой семинарій 1840 года, до чрезвычайности умножились предметы семинарскаго ученія, то духовно-учебныя дѣятели опытно стали наблюдать значительное пониженіе въ умственной зрѣлости и развитости новыхъ учениковъ сравнительно съ тѣми, которые учились по уставу 1809 года. И то обстоятельство, что нынѣшній уставъ семинарій во многихъ отношеніяхъ возвратился къ уставу Ком-

миссіи духовныхъ училищъ, громко свидѣтельствовало о неотъемлемыхъ достоинствахъ, какими онъ отличался.

Мы припомнимъ, чѣмъ была духовная школа въ XVIII вѣкѣ и чѣмъ она стала со времени царствованія императора Александра I, когда организмъ духовнаго просвѣщенія, не представлявшій дотошъ стройности и развитія, впервые получилъ систематическія, прочныя основы и вѣрные задатки для своего прогресса и движенія. Мы хотѣли оживить въ памяти это великое дѣло, начатое по высокімъ намѣреніямъ Александра Благословеннаго, такъ достойно выполненное ревностными и просвѣщенными осуществителями мудрой царственной воли и сказавшееся благотворными результатами для духовной школы, начавшей съ тѣхъ поръ новый лучшій періодъ своей исторіи, въ которомъ духовная наука перестала быть мертвою, безплодною учоностью, получила живое самостоятельное развитіе, вошла въ общество и чрезъ богословски-просвѣщенныхъ пастырей, а также путемъ литературы стала распространять свое вліяніе не въ однихъ городахъ и столицахъ, но также въ селахъ и деревняхъ. Мы хотѣли вспомнить эти царственные заслуги, имѣвшія послѣдствіемъ такія благодѣтельные перемѣны въ состояніи и направленіи русскаго духовнаго просвѣщенія, но—вполнѣ сознаемъ, какъ слабо мы очертили эту свѣтлую страницу изъ исторіи царствованія Александра I. Пусть же недостаточность словъ выкупится вызвавшимъ ихъ побужденіемъ—воздать почеть глубокаго уваженія блаженной памяти императора Александра Павловича и дань благоговѣйной признательности великому Монарху, имя котораго вѣчно будетъ жить въ благодарной памяти всѣхъ, кому дороги судьбы русской духовной школы.

Евгеній Прилежаевъ

1877 г. декабрь.

Электронное издание:

**Прилежаев Е. Царствование Александра I в
истории русской духовной школы. СПб, 1887.
– С. 23**

ПОДГОТОВЛЕНО

Отделом религиозного образования и
катехизации Ижевской и Удмуртской епархии

www.izhoroik.ortox.ru

